

**Институциональное воспроизводство парадемократического авторитаризма:
причины и последствия**

Ф. С. Антонов

Московский государственный областной университет, Москва, Россия

aspirantura@mgou.ru

Анализируются реформы «рационализации» политической системы 2000—2012 гг. Отмечается ориентация реформ на построение модели управляемой демократии. Важнейшими шагами в направлении формирования такой модели названы те, что были связаны с созданием, наряду с демократическими институтами, дополнительных административных — парадемократических — структур, обеспечивающих административную поддержку полномочий и власти президента. Делается вывод, что в результате проводимой политики конкуренция для государственной администрации со стороны региональных элит была устранена, политический плюрализм и полицентризм постепенно вытеснены, политика элитизировалась, право принятия политических решений было присвоено государственной номенклатурой, оформилась система электорального авторитаризма. Сложившийся в России политический режим охарактеризован как парадемократия.

Ключевые слова: политический режим; демократия; авторитаризм; государство; гражданское общество; политические институты; президент; исполнительная власть.

**Institutional Reproduction of Parademocratic Authoritarianism:
Causes and Consequences**

F. S. Antonov

Moscow Region State University, Moscow, Russia

aspirantura@mgou.ru

The author analyzes the political system “rationalization” reforms of 2000—2012, noting that these reforms were aimed at building a model of managed democracy. He marks as the most important in the formation of this model the steps associated with creation, along with democratic institutions, of additional, parademocratic administrative structures providing administrative support to the authority and power of the president. The author concludes that the results of this policy were the elimination of competition of the state administration from the regional elites, the gradual displacement of political pluralism and polycentrism, the elitisation of politics, the assignment of the right of political decisions making to the state nomenclature, and the designing of the electoral system of authoritarianism. The author characterizes political regime formed in Russia as parademocracy.

Keywords: political regime; democracy; authoritarianism; state; civil society; political institutions; president; executive power.

Исходный тезис нашей статьи заключается в том, что в конце 1990-х гг. политическая система РФ находилась в состоянии глубокого кризиса, а демократические политические институты, сформированные к концу 1990-х гг., не могли эффективно разрешать усугублявшиеся противоречия. Наиболее острой была проблема преодоления сепаратизма. Нарастали центробежные тенденции, усиливалось влияние региональных элит, в национальных республиках «развивались массовые национальные движения, вожди которых могли вывести на улицы тысячи сторонников республиканского суверенитета. Энергию этих движений поначалу подчинили себе лидеры республик» [1, с. 41]. Региональные лидеры действительно пользовались большим доверием своих регионов, нежели федеральная власть: «Одни поддерживали их из-за постоянного протеста, другие — из искренней веры в преимущество полной независимости и желания возвысить своего регионального лидера, третьи — из опасений не поддержать вовремя своего всемогущего “феодала”» [2, с. 118].

Эти факторы определяли необходимость оформления такой модели политической системы, в которой компетенции и полномочия власти были бы эффективно распределены между институтами региональной и центральной, исполнительной и законодательной власти в целях обеспечения политической стабилизации, формирования механизмов и процедур интеграции политических интересов элит различных уровней, обеспечения легитимности власти президента. Период 1990-х гг. стал смутой — главной причиной, но и поводом для переустройства власти. В смутные времена, как отмечает Т. В. Растимешина, «все инструменты применяются для того, чтобы укрепить власть как “вещь в себе”, поэтому любая форма власти в России рано или поздно кренится на сторону абсолютизма» [3, с. 77].

Предшествующий кризис институтов власти достиг апогея в 1993 г. и был ликвидирован действовавшим Президентом РФ Б. Н. Ельциным: он устранил парламентскую оппозицию силовым (по оценке

многих, волюнтаристским и даже диктаторским) способом и инициировал конституционную реформу. Принятие конституции обозначило конец периода продемократического популизма власти и начало длительного периода политического прагматизма: конституция кодифицировала перечень полномочий президента, которые распространяли его власть и на законодательную, и на судебную систему, максимизировали его полномочия в системе исполнительной власти. Реформа имела весомый политический эффект, зафиксировав начало восстановления вертикали власти.

Принятие Конституции РФ 1993 г. стало вехой, завершившей длительный период институционального противостояния законодательных органов власти и президента, поддерживаемого правительством. Конституция обозначила очевидный крен в распределении полномочий в пользу президента и исполнительной ветви власти. Основной закон зафиксировал и формулировку принципа разделения властей, и отдельное существование каждой из ветвей, с собственными функциями, полномочиями и компетенцией, однако не их самостоятельность, независимость и равенство перед законом, конституцией и гражданским обществом. Тем самым была заложена правовая основа для сосредоточения значительного объема власти в руках главы государства. Так, в тексте Конституции РФ 1993 г. содержатся прямые указания на возможность для президента создавать любые административные органы и структуры, способные послужить дополнительной административной опорой его полномочиям.

Вместе с тем не погашенный очаг сепаратизма в Чечне стал главным фактором последнего и наиболее значительного кризиса власти конца 1990-х гг. Сформированные к этому времени политические институты: президент, почти полностью подконтрольное ему правительство, законодательные органы власти — продемонстрировали бессилие в отношении разрешения конфликта в Чечне и последовательного продолжения либеральных

реформ. Накопившиеся кризисные явления косвенно указывали на несостоятельность форсированных, но не завершенных демократических реформ, с одной стороны, и на краткосрочность положительных эффектов воспроизводства отношений демократического авторитаризма (без опоры на институциональные реформы), с другой.

Краткий опыт, путь проб и ошибок, пройденный Россией с 1993 до 1999 г., стал основой для институционального воспроизводства политического режима нового типа: гибридного режима парадемократии, находящегося на стыке авторитаризма и демократии, с опорой на ее институты и процедуры.

Основные идеологические конструкты программы будущего Президента РФ В. В. Путина были сформулированы в его статье «Россия на рубеже тысячелетий». Будущий президент точно и с опорой на неутешительную статистику констатировал, что «нашей страны нет сегодня в числе государств, олицетворяющих высшие рубежи экономического и социального развития современного мира, — во-первых. И наше Отечество стоит сейчас перед очень нелегкими экономическими и социальными проблемами — во-вторых» [4]. Программная часть статьи предваряется подпараграфом «Уроки для России». Одним из уроков В. В. Путин назвал исчерпанность лимита на революции, катастрофы и гражданские конфликты и необходимость ориентироваться на «стратегию возрождения и расцвета» [4], а также отметил бесперспективность искусственного переноса западных моделей демократии на российскую почву. Однако он никак не характеризовал ни такие, на наш взгляд, неоспоримые достижения институционализации демократии, как политический плюрализм, многопартийность, свободные выборы, свобода слова и печати и т. п., ни ее экономические эффекты: частную собственность, либерализацию экономики и финансов и др. Иными словами, акценты в статье будущего президента были расставлены так: период демократических реформ, в ее контексте, приводит не к становлению свободного демократического государства, отстаивающего

демократические ценности и базирующегося на развитии рыночной экономики, а к тяжелому системному кризису.

Программная часть статьи указывала на идейные ориентиры будущей политики В. В. Путина: государствоцентризм (крепкое государство — источник и гарант порядка, «инициатор и главная движущая сила любых перемен»), восстановление «направляющей и регулирующей роли государства в той степени, в какой это необходимо, исходя из традиций и нынешнего положения страны» [4], социальная интеграция, патриотизм.

Подробный анализ программной статьи В. В. Путина показывает, что ориентиры и приоритеты его внутренней политики были сформулированы еще в 1999 г. и не претерпели существенных изменений. Последовавшие реформы «рационализации» политической системы были ориентированы на модель управляемой демократии, опирающейся на мощный государственный аппарат, усиленную властную вертикаль со «становым хребтом» исполнительной власти. Ключевая роль в восстановлении силы и славы России, с точки зрения В. В. Путина, должна была быть отведена государству, тогда как о роли гражданского общества и гражданских институтов в статье не упоминалось. Таким образом, в противостоянии идеологий свободы и модернизации, с одной стороны, и стабильности и порядка, с другой, в 1999 г. вторая одержала победу над умами элиты, и именно она остается доминирующей идеей дальнейшего развития общества и государства. Власть с целью усилить государство и общество встала на путь усиления самой себя. В своей программной статье В. В. Путин также презентовал себя в качестве сильного лидера и спасителя нации и государства от грядущих потрясений, опираясь на то, что российской политической культуре свойственны и близки «персонализация, сакрализация верховной власти, восприятие образа лидера сквозь призму представлений о спасителе, “отце-благодетеле”, “царе-батюшке” в сочетании с клиентелизмом, абсолютизацией роли личности, склонностью к авторитаризму» [5, с. 19].

Одним из ключевых направлений усиления государства стало укрепление центрального государственного аппарата наряду с ослаблением аппарата регионов. В 2000 г., согласно Указу Президента РФ «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе», были созданы семь федеральных округов и институт полномочных представителей президента. Этот дополнительный институт, в соответствии с документом, был введен в целях обеспечения «реализации Президентом Российской Федерации своих конституционных полномочий, повышения эффективности деятельности федеральных органов государственной власти и совершенствования системы контроля за исполнением их решений» [6]. Как отмечалось, Конституция РФ содержит указание на возможность президента административно усилить свою власть. Таким усилением и стал институт полномочных представителей. В отношении правовых оснований и политико-правовых последствий его введения единого мнения не сложилось. Большая часть правоведов отмечают, что создание этого института и конституционно, и оправдано с точки зрения задачи оптимизации государственного управления [7, с. 405; 8, с. 226], однако другие теоретики акцентируют внимание на следующем: субъекты Федерации лишились части свобод и полномочий, что свидетельствует об ослаблении федерализма и упрочении централизма [9]. Усилить влияние центра на политику регионов была призвана и реформа избирательной системы, которая будет рассмотрена далее. Кадровые решения по назначению первых полномочных представителей также подтверждают эти выводы: президент отдал предпочтение грамотным исполнителям своей воли, не обладавшим ни харизмой, опытом, самостоятельностью, ни тем более авторитетом в регионах, и соответственно не создававшим потенциальной угрозы задаче укрепления власти президента в регионах.

Институт полномочных представителей стал частью системы исполнительной власти, наделенной значительным числом

полномочий, объем которых стал еще шире после принятия в 2004 г. изменений в Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Полномочные представители стали субъектами, представляющими Администрации Президента кандидатуры на должности глав субъектов РФ [10].

В 2005 г. произошло дальнейшее расширение функций и компетенции полномочных представителей президента: Президент РФ издал указ [11], во исполнение которого были сформированы Советы при полномочных представителях президента. Таким образом, *введение института полномочных представителей президента стало важнейшим шагом политики укрепления вертикали власти и перераспределения властных полномочий в системе «регионы — центр» в пользу центра, в системе «все ветви власти — исполнительная власть» в пользу исполнительной власти, в системе «политические институты — президент» в пользу президента и в системе «гражданское общество — государство» — в пользу государства.*

Следующим немаловажным шагом в направлении усиления исполнительной ветви федеральной власти, и в первую очередь президента, стали изменения порядка замещения должности руководителя субъекта Российской Федерации. До 2004 г. граждане регионов избирали их глав на основе равного прямого избирательного права. Отметим, что за время функционирования демократической процедуры выборов глав исполнительной власти на основе всеобщего прямого голосования в регионах четко оформилась тенденция к проявлению таких демократических эффектов, как нарастание давления гражданского общества и гражданских инициатив на деятельность глав регионов: контроль СМИ и других институтов гражданского общества за деятельностью губернаторов становился все более последовательным и всеохватным. В конечном счете это привело к увеличению

«коэффициента сменяемости» глав регионов, который к 2004 г. составил более 40 % [12]. Он является одним из признанных коэффициентов развитости демократических институтов и процедур, его рост также может свидетельствовать о наступлении третьего этапа демократической институционализации — закреплении демократических процедур в типовых стратегиях политического поведения граждан.

Выборность губернаторов и высокие показатели явки электората на выборы глав регионов свидетельствовали о неравнодушии граждан к их итогам. Авторитет выборных лиц также был относительно высок, поскольку прямые всеобщие выборы способствовали «привязке» кандидатов к региону: «Трудно предположить, что победить на региональных выборах мог человек, никак не связанный с конкретным субъектом Федерации — за исключением тех случаев, когда население региона полностью отчаялось в способности местных политических фигур вывести их территорию из депрессивного состояния» [13, с. 175]. Иначе говоря, главами исполнительной власти были не только законные и легитимные, но и наделенные неподдельным доверием земляков представители интересов конкретной территории. Другими словами, до 2004 г. Россия развивалась в направлении усовершенствования федеративной демократии и построения системы сдержек и противовесов «федеральный центр — регионы».

События сентября 2004 г. в Беслане выдвинули на повестку дня способность исполнительной власти регионов адекватно реагировать на угрозы сепаратизма и терроризма и стали поводом к принятию закона № 159-ФЗ от 11 декабря 2004 г. «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и в Федеральный закон “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”». Идеология этого решения была связана

с необходимостью «восстановления властной вертикали, повышения ответственности региональных руководителей перед федеральным центром и эффективности системы государственного управления всех уровней» [14, с. 187].

С 2005 г. глав регионов избирали законодательные органы власти соответствующих субъектов РФ по представлению Президента РФ (причем неодобрение предложенной кандидатуры грозило законодательным собраниям роспуском). Соответственно и аналитики, и граждане стали называть действовавшую процедуру «назначением», что отражало ее фактический политический и правовой смысл. Действовавшая процедура подверглась обоснованной критике со стороны как оппозиционных политических сил, либеральной общественности, так и теоретиков, по мнению которых, если процедура не предполагает прямого волеизъявления граждан ни на одном из этапов выборов, ее нельзя считать демократической [15; 16].

Объективные последствия реализации процедуры «назначения» губернаторов с 2005 до 2012 г. были следующими: коэффициент сменяемости, являющийся, как отмечалось, одним из «коэффициентов демократии», по сравнению с 2004 г. вырос до 46,3 %.¹ Властными полномочиями были наделены 75 новых губернаторов из 162 произведенных назначений. Однако приведенные к власти губернаторы приобрели неофициальное прозвище — «варяги», отражавшее внешнее, федеральное, пришлое (извне-) происхождение должностных лиц, которые не имели прочных связей ни с электоратом, ни с политической или бизнес-элитой легислатуры. Исследователь Е. В. Реутов подчеркивает: «Инкорпорирование “варягов” в региональные элиты имело целью разрушение сложившихся в регионах клановых

¹ Здесь и далее данные Левада-центра: «Россия — не о выборном законодательстве (губернаторы, парламент)» (<https://www.levada.ru/2010/02/14/rossiyane-o-vyborno-zakonodatelstve-gubernatory-parlament/>), сайта Независимого института выборов (<http://www.vibory.ru/election.html>), а также официальных сайтов органов власти РФ и субъектов РФ.

(в том числе, коррупционных) связей. Однако обратной стороной данного процесса стала неготовность значительной части назначенных губернаторов находить компромисс с местными элитами и, в принципе, рассматривать себя в качестве проводника региональных интересов, а не интенций федерального центра» [13, с. 179].

Ранее мы отмечали [17], что важнейший, самый длительный этап институционализации демократии (делающий эффекты демократического транзита неотъемлемой частью политической системы) связан с проникновением институциональных эффектов демократизации в ткань политического сознания и стратегий политического поведения граждан, с оформлением и присвоением ценности политическим традициям и с наделением политическим и аксиологическим весом демократических ценностей. К числу главных ценностей демократии относятся выборы. Однако фактический возврат политической системы к назначаемости руководителей регионов тем не менее не повлек за собой ни неприятия, ни тем более протестного возмущения граждан. В статье [17] нами отмечалась несформированность элементов гражданской культуры, политический абсентеизм граждан. На него указывали среди прочего опросы общественного мнения. В частности, согласно опросам Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), проведенным через год после введения системы назначения губернаторов, количество граждан, относящихся к назначаемости губернаторов положительно и отрицательно, в большинстве регионов России было одинаковым: 35 %. Более того, о значимости этого политического шага не задумывались столько же граждан. Эта статистика (причем далее она год от года оставалась фактически прежней) свидетельствует о безразличии значительной части электората (более 70 %) к избирательному праву, избирательному законодательству и отсутствию сформированного отношения к выборности и сменяемости власти как к значимой ценности [18].

Однако под давлением немногочисленных СМИ в общественном сознании медленно крепло отрицательное отношение к самому факту назначаемости. Если центры изучения общественного мнения (например, Левада-центр) формулировали вопрос о необходимости возвращения выборности губернаторов прямо, большинство опрошенных (54—59 %) давали положительный ответ². Опрос, проведенный ФОМ в январе 2012 г., также показал, что большая часть населения России (60 %) с оптимизмом отнеслась к возвращению принципа выборности губернаторов в российскую политику [19]. Аналитики отмечали, что «легитимность выборности губернаторов в общественном сознании не была обусловлена исключительно политическим моментом. На всем протяжении второй половины 2000-х годов население, скорее, поддерживало выборность губернаторов, чем их фактическое назначение» [13, с. 175—176]. Иными словами, максимальная доля сознательных и последовательных сторонников назначения губернаторов с 2004 до 2012 г. не превышала 30 %. Остальные россияне относились к этому факту пассивно, скорее отрицательно.

Сегодня глав регионов вновь избирает население субъектов РФ, кандидатов на указанную должность выдвигают политические партии, в свою очередь законодательство предусматривает, что Президент РФ может проводить консультации как с политическими партиями, так и с кандидатами-самовыдвиженцами (если самовыдвижение предусмотрено законом региона). Однако наличие в правовой норме самого понятия «консультация» (не имеющего четкого юридического и даже политического толкования), которое не раскрывается с точки зрения содержания и возможных юридических и политических последствий, дает исследователям, в частности А. В. Безрукову, некоторые основания предположить, что «такое положение закона закладывает

² Данные Левада-центра: «Россияне о расширении избирательных прав» (<https://www.levada.ru/2010/08/05/rossiyane-o-rasshirenii-izbiratelnyh-prav/>).

возможности нарушения принципа равно-го избирательного права, поскольку в отношении одних кандидатов и избирательных объединений глава государства может таким правом воспользоваться, в отношении других нет» [20, с. 6]. Причем, как отмечает А. В. Безруков, «шансы победить при поддержке или проиграть на выборах при критической оценке Президента РФ у соответствующих кандидатов соответственно существенно возрастают» [21, с. 160]. Есть и другие конструктивные особенности, усложняющие процедуру выборов главы региона, особенно если сравнивать эти процедурные конструкции с прямыми всеобщими выборами. В частности, процедура сбора подписей самовыдвиженцами и так называемый *муниципальный барьер*.

Между тем для регионов была установлена и альтернативная всеобщим выборам процедура избрания главы (ее предпочли Дагестан, Ингушетия, Северная Осетия, Карачаево-Черкесия, Крым и Севастополь). Главу региона может избирать парламент по представлению Президента РФ (который выделяет три кандидатуры из числа предложенных ему политическими партиями). В отношении этой модели теории проявляют беспокойство, причем основание для критики прежние: формирование электорального авторитаризма, т. е. смещение возможности выбора от населения к Президенту РФ. Так, А. В. Безруков пишет: «Несмотря на то, что такой подход уже реализован на практике, следует обратить внимание на излишнее усиление в такой модели избрания главы региона роли политических партий и главы государства. Следует принять во внимание опасения ряда ученых относительно введения альтернативного порядка избрания главы региона парламентом субъекта РФ. Такой порядок ограничивает избирательные права граждан в некоторых субъектах РФ, причем не федеральным законом, что допускает ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, а законом субъекта РФ» [21, с. 162].

Отличительной чертой институционализации российской модели демократии еще с начала 1990-х гг., т. е. в период

отправления президентских полномочий Б. Н. Ельциным, стало создание — наряду с демократическими институтами, существование которых было конституировано Основным законом, — и усиление дополнительных административных структур (в рамках системы исполнительной власти), обеспечивающих административную поддержку полномочий и власти президента. Одна из первых и наиболее мощных структур подобного рода — Администрация Президента РФ.

В первый период отправления В. В. Путиным президентских полномочий имели место попытки «закрепить» новые демократические институты в политическом сознании граждан, легитимировать их путем установления режима «диктатуры закона». В своем первом послании Федеральному собранию президент провозгласил, что «наступает период, когда власть обретает моральное право требовать соблюдения установленных государством норм» [22]. Однако в дальнейшем был взят курс на укрепление вертикали власти через устранение конкуренции государственной администрации со стороны региональных элит, постепенное вытеснение политического плюрализма, элитизацию политики, присвоение права принятия политических решений государственной номенклатурой и оформление системы электорального авторитаризма.

Тем не менее, несмотря на положительную социально-экономическую динамику, наблюдавшуюся в начале 2000-х гг., уровень доверия населения России к институтам оставался низким, как и в 1990-е гг., а рост показателей общественного блага граждане связывали лично с В. В. Путиным. Соответственно, он и его окружение в своих прагматичных политических действиях последующего периода продемонстрировали, что искомая управляемость и сила государства может быть достигнута не путем развития и укрепления демократических институтов и реформирования институтов государственных, а посредством усиления личной власти и личного контроля, среди прочего за счет создания парадемократических

институциональных «подпорок» этой власти. Помимо уже названной Администрации Президента РФ и проанализированной системы полномочных представителей президента в федеральных округах, к ним относятся: Совет безопасности, Государственный совет и общественные палаты. Последние, как уже отмечалось, суть институты не только и не столько гражданского общества, сколько парадемократии. Все перечисленные институты создавались ради повышения управляемости и контролируемости всех ветвей и институтов власти со стороны президента.

Сегодня парадемократические институты влияют на ход экономического, политического и социального развития России существенно, чем классические институты демократии, такие как парламент. При этом данные «структуры подрывают позиции государственных институтов, способствуют слиянию исполнительной и законодательной ветвей власти и доминированию исполнительной власти. Эти структуры оказываются более влиятельными с точки зрения политического реформирования, чем государственные институты» [23, с. 51]. Данные исследований общественного мнения свидетельствуют об уверенности более 70 % граждан в том, что Администрация Президента РФ является управляющим институтом по отношению к Государственной Думе и Совету Федерации³. Более того, большинство граждан воспринимают это (существующее в их сознании) положение вещей как нормальное и даже предпочтительное. С точки зрения большинства, «вертикаль власти» с одним центром принятия решения более привлекательна, чем модель децентрализованной плюралистической демократии [24].

Сформированная и поддержанная парадемократическими институтами моноцентрическая модель принятия всех политических и кадровых решений девальвировала результаты процессов развития независимого

правосудия, автономии парламента, федерализма, свободы СМИ, политического плюрализма. Уже в начале 2000-х гг. имели место процессы сращения государственной бюрократии и крупного бизнеса. Были созданы мощнейшие естественные монополии и государственные корпорации: «Газпром», «Роснефтегаз», «Внешэкономбанк», «Роснано-тех», «Росатом», «Росавиа», «Ростехнологии» («Ростех»), ФСР ЖКХ, «Олимпстрой» и др. Несмотря на видимость децентрализации и выведения центра принятия решений в полунезависимые структуры, они тем не менее концентрируются вокруг Президента РФ.

Важнейшим шагом по пути укрепления вертикали власти, упрочения роли исполнительной власти в системе сдержек и противовесов и создания легального механизма влияния президента на систему законодательной власти также стали изменения принципов формирования Совета Федерации и Государственной Думы.

Укрепление вертикали власти еще в самом начале реформ сопровождалось усилением тех структур и подсистем, которые характерны для традиционно авторитарного государства: вооруженных сил, внутренних войск, бюрократии, института религии — и лично правителя. Так, упрочение позиций Русской православной церкви отмечает Т. В. Растишенина: «...За счет использования информационного и символического потенциала традиционной религии политический режим символически “отмежевывается” от западного либерализма, повестка дня российской политической жизни дополняется национальной спецификой, создается образ истинно национальной власти, укрепляется фундамент легитимности» [25, с. 130]. При этом последовательно проводился курс на ослабление законодательной власти, партийной системы, гражданского общества, СМИ и других атрибутов открытого демократического общества. Политический режим, оформившийся в России в результате осуществления политики укрепления вертикали власти, можно охарактеризовать как гибридный режим парадемократии, находящийся на стыке

³ Пресс-выпуск Левада-центра «Россияне о независимости ветвей власти» (<https://www.levada.ru/2012/10/22/rossiyane-o-nezavisimosti-vetvej-vlasti/>).

авторитаризма и классической демократии, с опорой на демократические институты и процедуры.

Все эти процессы объективно препятствуют реализации второго этапа демократического транзита: укоренению демократических институтов в политической культуре, в политическом сознании граждан, в процедурных аспектах политической жизни; адаптации к устоям, традициям и ценностям общества. В ходе второго этапа каждый из институтов должен, с одной стороны, быть легитимирован своей политической и социальной эффективностью и, с другой, приобрести доверие граждан. Однако затормаживание институционализации демократии, тенденции к институциональному закреплению парадемократии на фоне возрастания экономической стабильности приводят к положительной динамике роста авторитарных компонентов общественного сознания. В нем, как свидетельствуют опросы общественного мнения, доминирует персонализированное представление о власти, закрепляются персоналистический тип легитимности политической системы и недоверие к демократическим институтам, преобладает авторитарный синдром. Граждане, как правило, одобрительно оценивают само существование демократических институтов, таких как выборы, свободные СМИ, парламент, однако скептически оценивают их эффективность и институциональный потенциал в обеспечении экономического роста и политической стабильности общества и государства [26].

В России сегодня образовался своего рода «замкнутый круг»: демократические институты не пользуются доверием и поддержкой со стороны граждан, поскольку большинство граждан не верит в эффективность демократических институтов в обеспечении общественного блага. Вместе с тем приобрести это доверие и достаточную эффективность институты не могут, поскольку развиваются в направлении парадемократии. Соответственно количество россиян, рассматривающих демократические институты и демократические процедуры

в качестве важных инструментов организации социальной жизни, уменьшается при сокращении влияния самих институтов на социальную жизнь и одновременном росте значимости личности и парадемократических институтов.

Литература

1. Паин Э. Федерализм и сепаратизм в России: мифы и реальность // Космополис. 2003. № 1. С. 39–58.
2. Кудин М. И. Россия в «сумерках» трансформаций: эволюция, революция или контрреволюция? М.: [Б. и.], 2001. 187 с. (Экономика).
3. Растимешина Т. В. Культурное наследие Церкви в презентации великодержавной модели истории и образа «народной монархии» в современной России // Вестник Московской государственной академии делового администрирования. Серия: Философские, социальные и естественные науки. 2012. № 5 (17). С. 76–84.
4. Путин В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 1999. 30 дек. С. 1.
5. Растимешина Т. В. Культурное наследие и подданническая политическая культура российского общества // Власть. 2012. № 2. С. 18–21.
6. Указ Президента РФ от 13.05.2000 № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» // Собрание законодательства РФ. 2000. № 20: 15 мая. Ст. 2112.
7. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2003. 587 с.
8. Ковешников Е. М. Государство и местное самоуправление в России: теоретико-правовые основы взаимодействия: монография. М.: Норма, 2001. 270 с.
9. Медушевский А. Н. Сравнительное конституционное право и политические институты: курс лекций. М.: ГУ ВШЭ, 2002. 511 с.
10. Указ Президента РФ «О порядке рассмотрения кандидатур на должность высшего должностного лица (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти) субъекта Российской Федерации» от 27 декабря 2004 г. № 1603 // Российская газета: Федеральный вып. 2004. № 3666: 29 дек.
11. Указ Президента РФ от 24 марта 2005 г. № 337 «О советах при полномочных представителях Президента Российской Федерации в федеральных округах» // Собрание законодательства РФ. 2005. № 13. Ст. 1139.
12. Туровский Р. Ф. Региональные выборы как фактор эволюции элит в России // Pro nunc. Современные политические процессы. 2006. Т. 4 № 1. С. 101–110.
13. Реутов Е. В. «Назначение» губернаторов в России: итоги эксперимента // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История, политология. 2012. Т. 23 № 13 (132). С. 174–180.
14. Примова Э. Н. Конституционно-правовые основы Российской Федерации: концептуальный аспект. М.: Логос, 2006. 222 с.

15. Черепанов В. А. Об изменениях в порядке замещения должности руководителя субъекта Российской Федерации // Федерализм. 2014. № 1. С. 115—128.
16. Чертков А. Н. Федерализм и обеспечение единства государственной власти: некоторые аспекты // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 3. С. 98—110.
17. Антонов Ф. С. Специфические условия и этапы институционализации демократии в России 1990-х гг. // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2018. № 1 (17). С. 171—179.
18. Российские губернаторы и механизм их селекции // База данных ФОМ: [Электронный ресурс] / Фонд «Общественное мнение». 16.06.2005. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/reg_pow/governor/tb052407 (дата обращения: 08.06.2018).
19. Прямые выборы губернаторов // База данных ФОМ: [Электронный ресурс] / Фонд «Общественное мнение». 19.01.2012. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/dominant/dom1202/d120205/> (дата обращения: 24.03.2018).
20. Безруков А. В. Проблемы реализации конституционных преобразований при сохранении стабильности Конституции Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 2. С. 3—7.
21. Безруков А. В. Современные конституционные преобразования российского федерализма: поиск оптимальных конструкций и перспективы // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2014. Т. 14 № 2. С. 156—169.
22. Путин В. В. Какую Россию мы строим: [Ежегод. послание Президента Федер. Собранию РФ 8 июля 2000 г.] // Российская газета. 2000. 11 июля.
23. Григорьева Е. Б. Политические эффекты авторитарного синдрома в современном политическом процессе России // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 379. С. 46—54.
24. Иванов М. Страна победившей вертикали // Коммерсантъ. 2012. № 198: 22 окт. С. 3.
25. Растимешина Т. В. Влияние политики культурного наследия на политическую культуру современного российского общества // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2012. № 5. С. 128—135.
26. Готово ли российское общество к модернизации? / Ред. М. К. Горшков. М.: Весь мир, 2010. 344 с.: табл. (Российское общество в зеркале социологии).
2. Kodin M. I. Rossiya v “sumerkakh” transformatsii: evolyutsiya, revolyutsiya ili kontrrevolyutsiya? (Russia in the “Twilight” of Transformations: Evolution, Revolution of Counterrevolution?), M., S. I., 2001, 187 p., Ekonomika.
3. Rastimeshina T. V. Kul’turnoe nasledie Tserkvi v prezentatsii velikoderzhavnoi modeli istorii i obraza “narodnoi monarkhii” v sovremennoi Rossii (Cultural Heritage of the Church in Presentation of Major-Country Model of History and Image of “People’s Monarchy” in Modern Russia), *Vestnik Moskovskoi gosudarstvennoi akademii delovogo administrirovaniya. Seriya Filosofskie, sotsial’nye i estestvennye nauki*, 2012, No. 5 (17), pp. 76—84.
4. Putin V. Rossiya na rubezhe tysyacheletii (Russia on the Cusp of Millennia), *Nezavisimaya gazeta*, 1999, 30 Dec., p. 1.
5. Rastimeshina T. V. Kul’turnoe nasledie i poddannicheskaya politicheskaya kul’tura rossiiskogo obshchestva (Cultural Heritage and Homagerist Political Culture of Russian Society), *Vlast’*, 2012, No. 2, pp. 18—21.
6. Ukaz Prezidenta RF ot 13.05.2000 No. 849 “O polnomochnom predstavitele Prezidenta Rossiiskoi Federatsii v federal’nom okruge” (RF Presidential Decree from 13 May 2000 No. 849 “On Russian Federation Presidential Plenipotential Envoy to the Federal District”, *Sobranie zakonodatel’stva RF*, 2000, No. 20, 15 May, Item 2112.
7. Kozlova E. I., Kutafin O. E. Konstitutsionnoe pravo Rossii (Constitutional Law of Russia), 3-e izd., pererab. i dop., M., Yurist”, 2003, 587 p.
8. Koveshnikov E. M. Gosudarstvo i mestnoe samoupravlenie v Rossii: teoretiko-pravovye osnovy vzaimodeystviya (State and Local Governance in Russia: Theoretical and Legal Basics of Interaction), monografiya, M., Norma, 2001, 270 p.
9. Medushevskii A. N. Sravnitel’noe konstitutsionnoe pravo i politicheskie instituty (Comparative Constitutional Law and Political Institutions), kurs lektsii, M., GU VShE, 2002, 511 p.
10. Ukaz Prezidenta RF “O poryadke rassmotreniya kandidatur na dolzhnost’ vysshego dolzhnostnogo litsa (rukovoditelya vysshego ispolnitel’nogo organa gosudarstvennoi vlasti) sub’ekta Rossiiskoi Federatsii” ot 27 dekabrya 2004 g. No. 1603 (RF Presidential Decree “On the Order of Consideration of Candidacies for the Position of Principal Officer (Head of Highest Government Agency)” from 27 Dec. 2004 No. 1603), *Rossiiskaya gazeta*, Federal’nyi vyp., 2004, No. 3666, 29 Dec.
11. Ukaz Prezidenta RF ot 24 marta 2005 g. No. 337 “O sovetakh pri polnomochnykh predstavitel’yakh Prezidenta Rossiiskoi Federatsii v federal’nykh okrugakh” (RF Presidential Decree from 24 Mar. 2005 No. 337 “On Councils of Russian Federation Presidential Plenipotential Envoys to the Federal Districts”), *Sobranie zakonodatel’stva RF*, 2005, No. 13, Item 1139.
12. Turovskii R. F. Regional’nye vybory kak faktor evolyutsii elit v Rossii (Regional Elections as a Factor in the Evolution of the Elites in Russia), *Pro nunc. Sovremennye politicheskie protsessy*, 2006, T. 4 No. 1, pp. 101—110.
13. Reutov E. V. “Naznachenie” gubernatorov v Rossii: itogi eksperimenta (Governors’ “Designation” in Russia: End Results of Experiment), *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya Istoriya, politologiya*, 2012, T. 23 No. 13 (132), pp. 174—180.

Поступила 18.05.2018

Антонов Федор Сергеевич — аспирант Московского государственного областного университета (Россия, 105005, Москва, ул. Радио, д. 10а), aspirantura@mgou.ru

References

1. Pain E. Federalizm i separatizm v Rossii: mify i real’nost’ (Federalism and Separatism in Russia: Myths and Reality), *Kosmopolis*, 2003, No. 1, pp. 39—58.

14. Primova E. N. Konstitutsionno-pravovye osnovy Rossiiskoi Federatsii: kontseptual'nyi aspekt (Constitutional and Legal Basics of Russian Federation: Conceptual Aspect), M., Logos, 2006, 222 p.
15. Cherepanov V. A. Ob izmeneniyakh v poryadke zameshcheniya dolzhnosti rukovoditelya sub"ekta Rossiiskoi Federatsii (On the Changes in the Order of Succession the Position of the Head of the Subject of the Russian Federation), *Federalizm*, 2014, No. 1, pp. 115–128.
16. Chertkov A. N. Federalizm i obespechenie edinstva gosudarstvennoi vlasti: nekotorye aspekty (Federalism and Ensuring of Unity of the Government: Certain Aspects), *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, 2012, No. 3, pp. 98–110.
17. Antonov F. S. Spetsificheskie usloviya i etapy institutsionalizatsii demokratii v Rossii 1990-kh gg. (Specific Conditions and Stages of Democracy Institutionalization in Russia in the 1990s), *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumantarnye issledovaniya*, 2018, No. 1 (17), pp. 171–179.
18. "Rossiiskie gubernatory i mekhanizm ikh selektsii" (Russian Govenors and Their Selection Mechanism). *Baza dannykh FOM*. Fond "Obshchestvennoe mnenie", 16 June 2005. Web. 8 June 2018. <http://bd.fom.ru/report/cat/reg_pow/governor/tb052407>.
19. "Pryamye vybory gubernatorov" (Direct Election of Governors). *Baza dannykh FOM*. Fond "Obshchestvennoe mnenie", 19 Jan. 2012. Web. 24 Mar. 2018. <<http://bd.fom.ru/report/map/dominant/dom1202/d120205/>>.
20. Bezrukov A. V. Problemy realizatsii konstitutsionnykh preobrazovaniy pri sokhraneni stabil'nosti Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii (Problems of Implementation of the Constitutional Reform while Maintaining the Stability of the Constitution of the Russian Federation), *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2014, No. 2, pp. 3–7.
21. Bezrukov A. V. Sovremennye konstitutsionnye preobrazovaniya rossiiskogo federalizma: poisk optimal'nykh konstruksii i perspektivy (Modern Constitutional Reforms of Russian Federalism: Search for Optimal Structures and Prospects), *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk*, 2014, T. 14 No. 2, pp. 156–169.
22. Putin V. V. Kakuyu Rossiyu my stroim: Ezhegod. Poslanie Prezidenta Feder. Sobraniyu RF 8 iyulya 2000 g. (What Russia Do We Build: Annual State-of-the-Nation Address to Federal Assembly, 8 July 2000), *Rossiiskaya gazeta*, 2000, 11 July.
23. Grigor'eva E. B. Politicheskie efekty avtoritarnogo sindroma v sovremennom politicheskom protsesse Rossii (The Political Effects of the Authoritarian Syndrome in the Modern Political Process in Russia), *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, No. 379, pp. 46–54.
24. Ivanov M. Strana pobedivshei vertikali (Country of Vertical that Won), *Kommersant*, 2012, No. 198, 22 Oct., p. 3.
25. Rastimeshina T. V. Vliyanie politiki kul'turnogo naslediya na politicheskuyu kul'turu sovremennogo rossiiskogo obshchestva (The Influence of the Cultural Heritage Policy on the Political Culture of the Modern Russian Society), *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya Istoriya i politicheskie nauki*, 2012, No. 5, pp. 128–135.
26. Gotovo li rossiiskoe obshchestvo k modernizatsii? (Is Russian Society Ready for Modernization?), Red. M. K. Gorshkov, M., Ves' mir, 2010, 344 p., tabl., Rossiiskoe obshchestvo v zerkale sotsiologii.

Submitted 18.05.2018

Antonov Fedor S., PhD Candidate, Moscow Region State University (Russia, 105005, Moscow, Radio str., 10A),
aspirantura@mgou.ru